

22 ДЕК 46
ВЧЕРН ЛЕНИНГРАД

ПОБЕДИВШАЯ ЖИЗНЬ

К 10-летию со дня смерти Николая Островского

Моя жизнь — это капля росы, в которой отразилось солнце партии.
Н. Островский

Высокие, вечно зеленые кипарисы стоят, как стражи, около белоколонного дома, который каждый день посещают сотни людей. Уже в первой большой комнате — лекционном зале — нас охватывает волнение: со скульптуры Голубева смотрит молодое, вдохновенное лицо Николая Островского. Кажется, что именно к нам обращены его слова: «Самое дорогое у человека это жизнь. Она дается ему один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Около стен — стенды: фотоснимки, письма, вырезки из газет, документы, свидетельствующие о неповторимой жизни человека, который был слеп — и видел всю свою огромную страну, не мог пошевелить рукой — и писал, не мог двигаться — и выступал на съездах.

Это документы, говорящие о жизни, каждый день побеждавшей смерть.

«...У меня есть план, имеющий целью заполнить мою жизнь содержанием», — сообщает Николай Островский своему другу П. И. Нови-

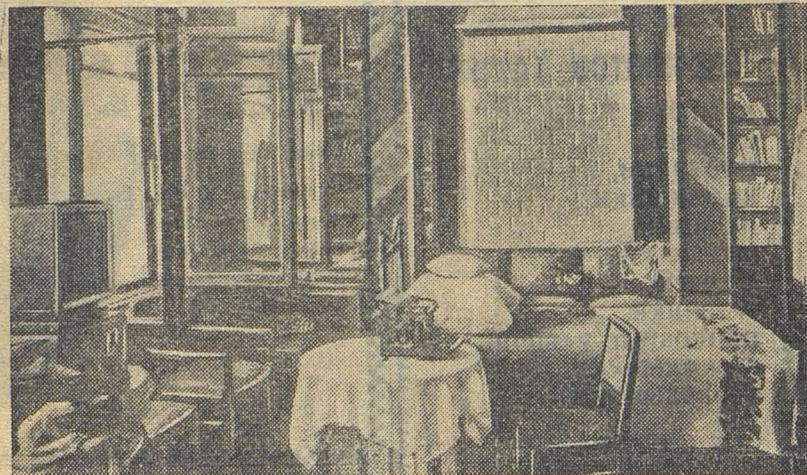
кову. И он выполняет этот план наперекор страшному недугу.

Николай Островский пишет «Как закалялась сталь». Вот они здесь, в музее, голубые картонные полоски — транспарант, придуманный им в дни, когда еще не было у него ни секретарей, ни машинисток, когда еще не склонялась к его изгольбовью слава.

«...Я долго искал выхода и нашел: вырезанные из картона полоски не дадут моему карандашу выходить из рамок прямой строки. Писать, не видя написанного, трудно, но не невозможно».

И он писал. Он жил тогда — с апреля 1933 по декабрь 1935 года — в другом доме, по Ореховой улице (сейчас улица Николая Островского), в скромной небольшой комнате, в людной и шумной квартире. Макет этой рабочей комнаты, где был создан героический образ Павла Корчагина, стоит сейчас в зале музея.

...Письма к Островскому. Они заполняют специальный стенд. Любовь и благодарностью к автору книги «Как закалялась сталь» дышат они. Здесь же, в специальном шкафу, хранятся многочисленные экземпляры этой книги, выдержав-

На снимках: сверху — дом-музей Н. Островского в Сочи; внизу — комната, в которой работал писатель

шей до 1940 года 120 изданий тиражом в 2.232.740 экземпляров! Тут же — книги, вышедшие в Чехословакии, Болгарии, Китае, Англии, Франции, Америке, Голландии, Испании, Японии.

Залита солнцем комната, где жил и работал Николай Островский в последние месяцы своей жизни. Посередине кровать, покрытая светлым одеялом. Рядом круглый столик. На нем пишущая машинка с начатой страницей шестой главы «Рожденных бурей».

«Я должен жить, чтобы написать книгу, которая зажгла бы сердца молодежи», — говорил Николай Островский, приступая к работе над новым романом.

— За один месяц он продиктовал

мне 125 страниц на машинке, — вспоминает его секретарь Александра Петровна Лазарева, писавшая под его диктовку «Рожденные бурей».

«Ну, чем не стахановская работа!» — радовался тогда Николай Алексеевич. Этот последний месяц работы в Сочи был особенно напряженным. В это время многие знатные люди нашей страны, с которыми хотел познакомиться Островский, посетили его. Его навестили Чкалов и Беляков. Они рассказали ему о перелете через Северный полюс в Америку. К нему приезжали артисты и пели его любимые песни, романсы Чайковского и Рахманинова. Родные читали ему вслух книги его друзей — Шолохова, Караваевой, Серафимовича, Фадеева и других.

Точно в срок закончил писатель свою работу над первой книгой романа. Теперь он мог отдохнуть. Но тут начался страшный приступ болезни. 22 декабря Николая Островского не стало.

Многочисленные экскурсии посещают музей имени Островского. Рабочие, студенты, учителя, колхозники приходят в эти комнаты.

Посетители дарят музею подарки: здесь хранятся экземпляры книги «Как закалялась сталь».

Алексеевич выехал из Сочи в Москву, — вспоминает Лазарева. — Там 15 ноября на улице Горького состоялось собрание президиума Союза советских писателей, представителей ЦК ВЛКСМ, директоров издательств и редакторов центральных газет. Николай Алексеевич произнес речь, в которой он просил присутствующих отнестись к нему как к писателю, который отвечает за свое произведение в полной мере — как художник-коммунист.

«Откройте же артиллерийский огонь по моей книге», — таким призывом закончил он свое выступление.

Самым счастливым днем его московской жизни был день 25 ноября 1936 года: радио донесло до него гул первых оваций, которыми встретил Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов товарища Сталина. И когда товарищ Сталин начал доклад о новой Конституции, лицо Островского осветилось радостной, счастливой улыбкой...

Точно в срок закончил писатель свою работу над первой книгой романа. Теперь он мог отдохнуть. Но тут начался страшный приступ болезни. 22 декабря Николая Островского не стало.

Многочисленные экскурсии посещают музей имени Островского. Рабочие, студенты, учителя, колхозники приходят в эти комнаты.

Посетители дарят музею подарки: здесь хранятся экземпляры книги «Как закалялась сталь».

побывавшие на фронтах. Одна из них подарена музеем лейтенантом-орденоносцем Марией Педенко. Вот ее письмо:

«С этой книгой я участвовала в штурме Новороссийска, была тяжело ранена. Жизнь моя висела на волоске. И тогда меня поддерживал Павел Корчагин. Он учил: «Не страшно умирать за Родину, ибо, умирая, ты становишься бессмертным».

Другой экземпляр книги «Как закалялась сталь» подарен музею защитником Севастополя тов. Дрожинским. Тяжело раненный, он попал в госпиталь в Сочи и привез с собой книгу, которая была при нем в боях.

Многие из посетителей оставляют свои записи в больших кожаных альбомах.

«...Я ранен на фронте Отечественной войны три раза тяжело. Считал себя потерянным человеком. О, нет, теперь, уходя из музея, я сказал себе: не хандри. Коле Островскому было труднее, чем тебе. А сколько он сделал для Родины! И ты сделай все, что в твоих силах, Капитан Серeda, 5 сентября 1944 г.»

Все посетившие дом, в котором жил Николай Островский, уходят из него глубоко взволнованными. Они уносят с собой его призыв: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе — и никуда иначе!»

Людмила ПОПОВА